

Вчера, в воскресенье, в храме Христа Спасителя состоялась панихида по Александру Галичу. Очевидно, устроители намеревались таким образом поднять социальный статус поэта.

Если уж хотели по-христиански — есть другой храм. Правда, он не столь близок к Кремлю — находится аж в поселке Семхоз. Но именно там отец Александр Мень крестил Александра Аркадьевича. А что для Галича значила истинная вера, см. ниже (начало письма матери, воспроизведенное факсимильно).

Словом, на панихиду мы не пошли — бетонные стены Спаса-на-гаражах (кстати, не там ли сейчас пост №1?) кажутся слишком мощным экраном для любой самой искренней молитвы...

Вообще удивительно, что добрые намерения нашей общественности, властей и многих представителей «четвертой власти» по отношению к культуре и людям искусства всегда оборачиваются дурновкусием, то есть — ведут в ад.

И появляются многочисленные статьи о Галиче, написанные с непонятным желанием авторов видеть поэта по-прежнему опальным («Ампутация памяти» — «Учительская газета» №40), или помпезные произведения с такими, например, литературоведческими открытиями: «А еще он ненавидел богачей, первачей, палачей» (Ю. Безелянский, «Вечерний клуб» № 39). Это потому, что «промолчи — попадешь в богачи»?...

И, наконец, создается фонд Александра Галича «Отчий дом», призванный оплачивать его могилу на Сент-Женевьев-де-Буа. А могила оплачивалась и оплачивается. В советское время — писателем Владимиром Максимовым, сейчас — братом и сыном поэта Валерием Аркадьевичем и Гришей. И прекрасно ухожена. В Париже занимается этим семья Максимовых, родственная Галичу (старшая дочь Владимира Максимова Наташа — крестница Александра Аркадьевича). Администрация парижского кладбища, очевидно, обжегшись на контактах с нашими чиновниками и опять же «общественностью», предпочитает иметь дело с «французами» (см. «Новая газета» № 50 от 15.12.97). А вдова Владимира Максимова Татьяна удивляется: зачем организовывать фонд ради суммы, которой едва хватит на один визит в соседний с Сент-Женевьев бар?

Кстати, именно Галич писал:
**Только мертвых своих оставьте,
Не тревожьте их мертвый сон...**

Не оставляют. «Вечерка» так вообще потребовала сразу двоих — опубликовала под именем Галича известное стихотворение Гумилева. На

том основании, что оно было переписано рукой Александра Аркадьевича (между тем Гумилева, как и Галича, в те годы в СССР не печатали, его стихи так и расходились — в списках).

И очень удивляют исполненные державной скорби публикации о безвозвратной утрате архива поэта. Это, к счастью, не так! Его архивы бережно хранятся и на Западе, и в России. На днях в Литературном музее откроется составленная из материалов этих архивов первая большая экспозиция, посвященная жизни и творчеству Галича.

Сегодня мы впервые публикуем письма и фотографии, которые в числе многих других документов, возможно, будут там представлены.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

P.S. Поздравляем всех близких, друзей и почитателей Александра Галича с его днем рождения, так счастливо совпавшим с лицейской годовщиной. И напоминаем: телевизор всегда можно выключить, газеты выбросить и включить магнитофон.

ЛЮБОВЬ В ВОЗВРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Дорогой господин Бёлла!

Мне очень трудно писать вам. Единственно, что дает мне это право, — любовь к вашим книгам и бесконечная благодарность за ваш труд. Так же, как ваши книги, моему мужу и мне близка ваша общественная позиция. Нам кажется, что вы понимаете сложности и трудности нашей жизни глубже, чем многие на Западе. Ваши выступления в защиту Солженицына в ряду других событий имели большое значение в том, что Александр Иванович может жить и работать.

Поэтому я пишу именно вам и хочу рассказать о судьбе русского поэта Александра Галича. Возможно, вы слышали о нем и в моем письме для вас будет мало нового. И все же!

Александру Аркадьевичу Галичу (Гинзбургу) 53 или 54 года. Его пьесы шли во многих театрах, по его сценариям снимали фильмы. Он имел успех, благополучие. И вдруг (на самом деле, конечно, не вдруг, а потому что была и есть внутренняя честность) родились его песни, отражающие все, что было в стране и с народом. Не мальчиком, ищущим популярности, а в возрасте около сорока, когда обычно приходит желание ус-

тойчивости, он взял в руки гитару и запел.

Трудно объяснить, что такое песни-стихи Галича. Но, если согласиться с определением Белинского, что «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни того времени, то песни Галича — энциклопедия нашего сегодня. Широта тематики их поразительна. Из них можно узнать больше, чем из многих толстых и ученых томов. В них правда, боль, надежда и безнадёжность наши. В них отражается сегодняшний характер общества и звучит язык представителей всех его слоев. Такой язык нельзя подслушать: для того, чтобы его услышать, нужен талант и общность судьбы.

Галич поет свои песни, тихо подыгрывая себе на гитаре, чуть задыхаясь, потому что у него болит сердце. А потом песни расходятся по всей стране. Их поют в пригородных поездках, они звучат на любой вечеринке, нет человека, у которого есть магнитофон и нет пленок Галича. Это магнитофонный «самиздат». За них, за эти песни, дают «срок». Они действительно народны!

29 декабря 1971 года секретариат Союза писателей СССР исключил Галича из Союза.

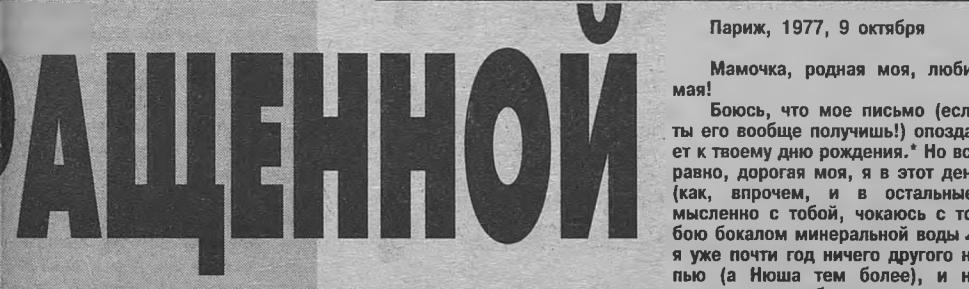
Вскоре такое же решение принял Союз кинематографистов. Это означало, что Галич не сможет заработать ни копейки. Так оно и случилось. Насколько мне известно, он лишен поддержки западных писателей и общественных деятелей, а создать изоляцию для кого угодно у нас очень просто. Сообщали какие-то западные радиостанции, что он дружен с Солженицыным, но это неправда — они не знакомы. Говорят, что он живет на средства Сахарова, — тоже ложь, у Сахарова нет денег.

После исключения из Союза прошло более года. За это время Галич написал много новых стихов и песен. В них глубина второго дыхания. Они отмечены удивительной чистотой и цельностью и той пронзительной человечностью, которая отличает поэзию от подделки. А автор этих песен пока продает книги и вещи, чтобы жить. Но ведь вещей никогда не хватает надолго, а что будет потом?

Вспомните тех, кого у нас исключали из Союза писателей: Зощенко, Ахматову, Пастернака, Солженицына. Александр Галич в их числе! В этом списке только двое живых. И память

Осло, декабрь 1974 г. Публикуется впервые. Архив В. А. Гинзбурга

Москва, 1932 г. Слева направо: Саша, мама, Валя. Публикуется впервые. Архив В. А. Гинзбурга

об ушедших жива, только когда помогут живым!

Простите, что этим письмом я прошу вас о каком-то действии, но просят только у тех, кому доверяют. И, может быть, ваше слово, ваша поддержка могут жить Александру Галичу.

Мы с мужем желаем вам здоровья, душевных сил и радости.

Елена БОННЭР-САХАРОВА
Москва, 13 февраля 1973 года

Я не делаю секрета из этого письма. Вы можете давать его читать друзьям, печатать — делать все, что покажется вам целесообразным.

Оригинал письма — в фонде Генриха Бёлла.

Париж, 1977, 9 октября

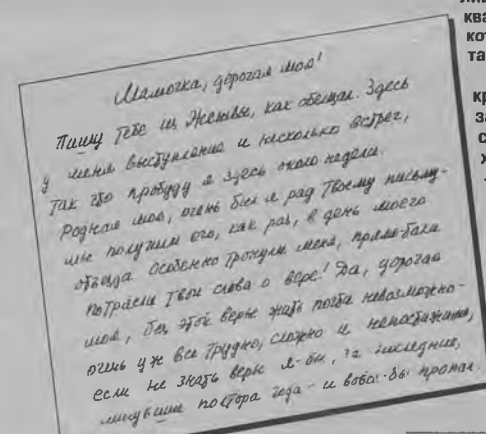
Мамочка, родная моя, любимая!

Боюсь, что мое письмо (если ты его вообще получишь!) опоздает к твоему дню рождения.* Но все равно, дорогая моя, я в этот день (как, впрочем, и в остальные) мысленно с тобой, чокаюсь с тобой бокалом минеральной воды — я уже почти год ничего другого не пью (а Нюша тем более), и не столько по соображениям здоровья, а просто не хочется. Представь себе, мы все-таки на девятнадцатое кое-кого ждали — из самых близких друзей — и вот подумали, что надо бы купить вина и коньячку. Сунулись в шкаф — а там полно, мы об этих бутылках даже забыли!

В Париже сейчас не то грипп, не то простудная пора, и мы, увы, по очереди (сперва Нюша, а теперь я) переболели — я еще до сих пор на улице не выхожу, и у меня даже полетела очередная поездка в Италию. Но так как еще до конца этого года я там буду не меньше двух раз, то я не огорчаюсь. А в начале будущего года — теперь уж, кажется, это точно — на другой край света.

Работаю — и много, и немного. Пишу мало, а думаю и придумываю очень много и жду какой-нибудь относительно тихой поры, чтобы сесть и начать писать! Родная моя, ты мне очень часто и хорошо снишься, и я просыпаюсь счастливым! И ты, и Москва, и все наши — которых нам здесь так недостает!

Я крепко-крепко за себя и за Нюшу — она сейчас ушла по хозяйским делам — целую тебя тысячу раз. Всем-всем нежнейшие приветы и поцелуи.
Всегда твой
Саша

*День рождения Ф. Б. Гинзбурга 16 октября н. с.